

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 93.393.05

DOI 10.26456/vthistory/2022.1.075–091

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПОХОРОННОЙ КУЛЬТУРЫ ¹

А.Д. Соколова

Институт этнологии и антропологии им. Н.И. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Россия

В статье представлен историографический обзор исследований смерти, умирания и практик обращения с мертвыми телами. Отдельно рассмотрены исследования, написанные в русле культурной истории, исследований традиционной культуры, исследования советского периода и похоронных практик в современной России. Автор отмечает существенные отличия в отечественной и западной историографии. Западная историография уделяет большое внимание культурной истории смерти, умирания и практик обращения с мертвыми телами. Авторы показывают эволюцию похоронных практик и представлений на больших отрезках времени, вписывая эти изменения в широкий контекст социальный, культурных и экономических процессов. В то же время среди отечественных исследователей интерес к такому анализу только начинает формироваться. Также автор отмечает, что в исследованиях, посвященных отечественной проблематике наиболее важную роль играют исследования традиционной культуры, а также политические аспекты смерти и умирания в советский период, в то время как повседневные практики и процесс отхода от традиционной культуры, характерный для современного этапа, оказываются вне исследовательского интереса большинства авторов.

Ключевые слова: похороны; смерть; историография; обряд; поминки.

В последние годы заметно возрастает исследовательский интерес к вопросам, связанным со смертью и похоронными практиками. Если в прошлом основным фокусом исследований в этом поле была традиционная похоронно-поминальная обрядность, то в настоящее время диапазон исследований существенно расширился, включив в себя и другие аспекты похоронной культуры. В данной статье под похоронной культурой понимается не только сам похоронный ритуал, но и общественные практики, связанные с умершими, в том числе государственную

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

политику в отношении смерти, обращения с мертвыми телами, политики памяти, вопросы похоронного администрирования, а также широкий круг экономических, демографических, санитарных, градостроительных и архитектурных вопросов, оказывающих влияния на практики обращения с мертвыми телами. Хотя история похоронной культуры в целом и отдельных ее проявлений является достаточно разработанной темой в историографии, различные направления в ней разработаны неравномерно. Так, если на отечественном материале наиболее разработанной областью до сих пор остается исследование традиционной похоронно-поминальной обрядности, то на европейских материалах также подробно исследована история кремационного движения и культурная история смерти и умирания. В данной статье приводится обзор исследований по основным направлениям изучения похоронной культуры.

Социальная роль обрядов связанных со смертью

Наиболее ранними работами, обращающимися к данной тематике были работы, которые анализировали социальную роль обрядов, связанных со смертью. Среди них наиболее ранние, но до сих пор не потерявшие своего значения, – работы Арнольда ван Геннепа² и Роберта Герца³, написанные в первой четверти XX в. Хотя эти исследователи не испытали взаимного влияния, их идеи во многом сходны. Оба они рассматривают смерть и похоронные ритуалы как социальное действие, цель которого необходимо искать в обществе живых. Ритуалы смерти и вся похоронная культура в целом, вне зависимости от религиозной принадлежности или того исторического этапа, на котором находится общество, призваны по их мнению стабилизировать общество, находящееся перед лицом утраты одного из своих членов, создать тот путь, идя по которому общество в целом и отдельные его индивиды не впадают в апатию, но продолжают жить и восстанавливают устойчивые социальные структуры, возвращаясь к исходному состоянию.

Эту традицию продолжает английский религиовед и теолог Дуглас Дэвис. Он также рассматривает похоронную культуру как механизм, который помогает обществу противостоять разрушительным социальным эффектам, связанным с феноменом смерти. В своей работе «Death, ritual and belief: the rhetoric of funerary rites» Дэвис работает с концептом «слово против смерти», при помощи которого он описывает человеческие реакции на горе, исследуя множество способов, которыми люди не позволяют смерти «сказать последнее слово», не только с точки зрения похоронных обрядов, но также в мемориалах, представлениях о душе, посмертном существовании и т. д. Он также рассматривает погребаль-

² *Геннеп А, ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 134–150.

³ *Герц Р.* Смерть и правая рука: пер. с фр. М., 2019. С. 43–177.

ные ритуалы как адаптивный ответ общества на смерть, и отдельно выделяет ритуальный язык как важнейшую форму этой реакции⁴.

Другие авторы обращают внимание на то, что хотя социальная роль практик обращения с мертвыми достаточно стабильна, само понимание природы человеческой смертности менялось на протяжении истории человечества. Работы, написанные в этом ключе можно отнести к направлению культурная история. Одной из первых, но по-прежнему влиятельных работ в этой области, стала изданная в 1977 г. книга французского историка Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти». По мнению Арьеса, похоронные ритуалы – это своего рода защита человечества от постоянного и устрашающего нападения неконтролируемой природы. Арьес утверждает, что отношение общества к смерти и моральные практики отражают представления о человеке, характерные для того или иного периода развития общества. Арьес прослеживает изменения в отношении к смерти в западноевропейском обществе с древнейших времен до настоящего времени, и выделяет пять этапов этих изменений. Первый этап – «прирученная смерть» – наиболее древнее отношение к смерти, когда люди относились к ней как к обыденному явлению и не испытывали страха перед смертью. Арьес связывает это состояние с большей, по сравнению с более поздними эпохами, включенностью человека в природу, а смерть воспринималась как естественная и неизбежная. Второй этап – «смерть своя» – связан с индивидуализацией понимания человеческой судьбы, произошедшей между XI и XIII вв.: в это время в Европе формируется идея индивидуального суда, перед которым должна предстать душа умершего. Третий этап – «смерть далекая и близкая» – Арьес связывает с новым пониманием человека, возникшим в эпоху Просвещения. Человек больше не защищён от природы, и смерть снова воспринимается как дикая стихия, перед которой человек беззащитен. Четвертый этап – «смерть твоя» – Арьес связывает с изменением режима чувствования периода романтизма. Акцент в переживании смерти смещается с осмысления собственной кончины на утрату близкого человека – смерть романтизируется. Пятый этап – «перевернутая смерть» – описывает современные нам процессы, когда сама идея смерти вытесняется, и мы начинаем вести себя так будто человек может вообще не умирать, или жить неопределенно долго⁵.

Значительное место в такого рода исследованиях занимает фундаментальная монография американского культурного историка Томаса Лакера «The work of the dead. A cultural history of mortal remains», которая представляет собой подробнейшее исследование того, как меняется место мёртвых тел и связанных с ними практик в западной культуре со Средних

⁴ Davies D. J. *Death, ritual and belief: the rhetoric of funerary rites*. Continuum International Publishing Group, London, 2002.

⁵ Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти*: пер. с фр. М., 1992.

веков до настоящего времени. Лакер начинает свою работу с истории древнегреческого философа Диогена, который завещал своим ученикам после смерти не хоронить его тело, а просто выкинуть его прочь, как мусор. Постоянно возвращаясь к этому сюжету, Лакер пытается понять, почему мёртвые тела людей, которые не имеют никаких чувств, не сохраняют свою форму, и достаточно быстро превращаются из знакомых и родных образов в пугающие разлагающиеся объекты, почему эти мёртвые тела во всех известных культурах удостоиваются такой заботы, и ни один известный народ не идёт путём, предложенным Диогеном. Лакер приходит к выводу, что причиной этого является та работа, которую совершают в нашей культуре мёртвые тела, т.е., иначе говоря, социальная функция смерти. По мнению Лакера, смерть и мёртвые тела имеют определённые функции во всех обществах, однако, эти функции не монолитны, и меняются вместе с остальными элементами культуры. Лакер обращает особое внимание на те колоссальные изменения, которые происходят в культуре при переходе к новому времени, как с меняющимся представлением о человеке, его месте в мире, с развитием медицины, науки и технологий, меняются и смертные практики, постепенно создавая те формы, которые являются доминирующими сегодня⁶. Работа Лакера рассматривает историю похоронной культуры в крайне широком контексте, несомненно, оставляя в стороне многочисленные детали.

Среди региональных исследований истории похоронной культуры следует отметить две работы по немецкой истории. Немецкий историк Норберт Фишер рассматривает социальную историю кладбищ в Германии с XVIII до XX в. как переход от церковных кладбищ (погостов) к кремации⁷. Американский историк Моника Блэк анализирует более узкий временной период – с конца 1920-х по начало 1960-х гг., и ограничивает свой анализ лишь историей Берлина. Однако, круг вопросов, который она очерчивает, гораздо шире, в сравнении с Фишером. Рассматривая представления и практики, связанные со смертью в наиболее турбулентный период немецкой истории, Блэк прослеживает то, в какой степени эти практики испытывали влияние больших исторических потрясений и идеологических переломов. В то же время Блэк предлагает проследить и обратную связь – влияние смертного дискурса и практик на изменения в немецкой политике и обществе XX в. Блэк анализирует те способы при помощи которых берлинцы пытались концептуализировать ошеломившие их потери периода Первой мировой войны, а также - невозможность скорбеть о родных, умерших далеко от дома, чьи тела навсегда остались на чужбине. Травмы, связанные с огромными

⁶ Laqueur T.W. *The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains*. Princeton: Princeton University Press, 2015. Pp. 8-10, 80-94.

⁷ Fischer N. *Vom Gottesacker zum Krematorium. Eine Sozialgeschichte der Friedhöfe in Deutschland seit dem 18.* Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996.

человеческими потерями и утратой былого статуса, которые переживала Германия периоды Веймарской республики, осмыслились через бессмысленность потери и требовали нового оправдания. Блэк показывает, как политическая программа НСДАП переосмысляет эти утраты: погибшие на войне немецкие солдаты из «бессмысленной жертвы» становятся героями—«первопроходцами», своей жизнью заплатившими за тысячелетнее процветание Рейха. История Берлина интерпретируется как история мёртвых тел, ставших акторами исторических и геополитических процессов⁸.

История кремации

В качестве отдельного блока можно выделить исследования, посвящённые истории кремации в различных культурах. Несмотря на то, что эти работы фокусируются лишь на одном, наиболее современном виде погребения, рассматривая различные истории появления, легализации и распространения кремации, исследователи включают в свой анализ самый широкий спектр явлений похоронной культуры. Работа Питера Джаппа «From dust to ashes. Cremation and the British way of death» представляет собой культурную историю кремации в Англии. Автор показывает, как практика кремации появляется в Британии в середине XIX в, и несмотря на активное сопротивление Церкви, постепенно ко второй половине XX в. становится доминирующим методом утилизации мёртвых тел в стране. Работа Джаппа отнюдь не ограничивается узким рассмотрением истории кремации. Для того, чтобы показать, как в британском обществе появляется сам запрос на новую погребальную практику и какие именно факторы приводят в конечном счёте к её легализации и популяризации, Джапп анализирует значительный спектр явлений, связанных с историей здравоохранения, права, градостроительной политики, военной истории. Джапп показывает, что переход от трупоположения к кремации как основной погребальной практике, произошедший в Англии в течение XIX–XX вв. стал результатом сложных культурных и идейных компромиссов. Долгий диалог, который вели энтузиасты кремационного движения с представителями Англиканской церкви, заставлял обе стороны спорить, искать новые доводы и в конечном счёте идти на уступки. Однако, формальная легализация кремации, произошедшая в конце XIX в., не означала окончательной победы кремационного движения. Так, Джапп подробно анализирует влияние Первой мировой войны на трансформацию похоронных практик и распространение кремации в Англии. Массовая гибель людей вдали от дома и семьи, несомненно, с

⁸ Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии: пер. с англ. М., 2015. С. 21–89.

регистр. Усталость от огромного числа жертв, их дистанцированность, невозможность осмыслить эти события в привычных категориях религии и обрядности, смерти и похорон и по-семье принимать решение о способе похорон и церемониале самостоятельно⁹.

Стивен Протеро в книге «Purified by fire. A history of cremation in America» проводит аналогичную работу в рамках изучения истории общества Соединённых штатов Америки. В отличие от Джаппа, который уделяет большое внимание вопросу о противостоянии новой практике со стороны Церкви, Протеро утверждает, что распространение кремации в Америке было связано с запросом на новую практику, которая бы соответствовала специфическим американским представлениям о смерти. Развитие идей кремации происходило во многом внутри христианских общин и новая практика воспринималась скорее как возвращение к старым, более совершенным традициям¹⁰. Не менее важным представляется специальное исследование истории кремации в Румынии Мариуса Ротара¹¹. Отдельно стоит отметить фундаментальный труд «Encyclopedia of cremation» под редакцией Дугласа Дэвиса, представляющий собой всесторонний справочник по всем аспектам истории и практики кремационного движения в новое и новейшее время¹².

Остановимся отдельно на исследованиях, обращающихся к отечественному опыту переживания смерти и похоронных обрядов. Эти исследования можно условно разделить на три категории – исследования традиционной культуры, исследования, обращающиеся к советскому опыту и современные исследования.

Традиционные похоронные обряды

Значительно внимание исследователи уделяют теме традиционного похоронного обряда. Истории похоронных практик допетровской Москвы посвящена работа Д.Х. Кайзера. На основе записей иностранных путешественников автор реконструирует практики того времени, касающиеся смерти, умирания, похорон и поминовения. Хотя значительное

⁹ Jupp P.C. *From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death*. Palgrave Macmillan UK, 2006. Pp. 19–46, 125–156.

¹⁰ Prothero S. *Purified by Fire: A History of Cremation in America*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. P. 12.

¹¹ Rotar M. *History of modern cremation in Romania*. England: Newcastle Upon Tyne, Cambridge Scholar Publishing, 2013.

¹² *Encyclopedia of Cremation* / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006.

внимание уделено похоронам знатных людей и царей, в работе также содержатся некоторые сведения и о похоронах простых Москвичей¹³.

Необходимо отметить работы, в центре которых – семантика традиционного обряда. Одна из наиболее ранних работ такого рода – «Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки»¹⁴ Д.К. Зеленина. На обширном и разнообразном этнографическом материале Зеленин анализирует особый способ поминовения людей, умерших неестественной смертью, а также народные представления о посмертной участи таких людей. Впервые опубликованная в 1916 г., эта работа отражала наиболее актуальное состояние представлений о «правильной» и «не правильной» смерти накануне коренных трансформаций, связанных с революцией 1917 г. Исследование Зеленина об отношении к «нечистым» покойникам на современном материале продолжают исследования Е.А. Уорнер¹⁵.

Отметим специально фундаментальную работу О.А. Седаковой «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян», посвященную структуре и семантике отдельных элементов погребальной обрядности восточных и южных славян. Рассматривая похоронный обряд в первую очередь как обряд перехода, Седакова анализирует его как своего рода текст, повествующий о пути, который проходит умерший, перемещаясь из нашего мира в мир иной, подробным образом характеризуя роли как живых, так и умерших в этом долгом пути. Рассматривая отдельные части похоронного обряда, разнообразные роли и функции исполнителей и ритуальных специалистов, семантику обрядовых действий, Седакова показывает как умерший постоянно балансирует между миром мертвых и живых, как постепенно рвутся связи общины с умершим, какие усилия прилагает община для того, чтобы восстановить свою целостность¹⁶. Большое внимание семантике традиционного похоронного обряда уделено А.К. Байбуриным в его работе «Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов», в которой похоронный и поминальный

¹³ Kaiser, D.H. Death and dying in early modern Russia. In *Major Problems in Early Modern Russian History* / Ed. by Kollman, N.S. Garland, London: Articles-Garlan, 1992. P. 217–258.

¹⁴ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 39–73.

¹⁵ Warner E.A. Russian Peasant Beliefs and Practices Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol'niki Region, Pskov Province Russia, 1995. Part I: The Restless Dead, Wizards and Spirit Beings. *Folklore*. 2000. Vol. 111(2). P. 67–90. Warner E.A. Russian Peasant Beliefs and Practices, Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol'niki Region, Pskov Province, Russia, 1995. Part II: Death in Natural Circumstances. *Folklore*. 2000. Vol. 111(2). P. 255–281.

¹⁶ Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 31–67.

обряды также рассматриваются в контексте продолжающихся отношений между живыми и умершими¹⁷.

Исследования похоронных практик советского периода

Ряд работ посвящен анализу состояния традиционного похоронно-поминального обряда в Советский период. Эти работы написаны преимущественно на сельском материале. Хотя авторы прослеживают определенные изменения, все они сходятся в том, что похоронный обряд оказался наиболее устойчивым среди всех обрядов жизненного цикла, и сохранился наиболее полным образом. Г.А. Носова, исследуя на материалах Владимирской области «бытовое православие» 1960-х гг., фиксирует важные сведения о состоянии сельского похоронного обряда в середине XX в.¹⁸. Отмечу также, сборник статей о похоронно-поминальных обычаях и обрядах, опубликованный сотрудниками ИЭА РАН¹⁹. Исследованию преемственности традиционных практик в постсоветский период посвящена работа Дж. Руе-Уиллоби²⁰. М. Боухард анализирует преемственность традиционных поминальных практик²¹.

Однако, если традиционные похоронные обряды, в том числе их бытование в советский период, достаточно хорошо изучены, новые обрядовые формы, появившиеся в советский период изучены в гораздо меньшей степени. Долгое время едва ли не единственными исследованиями, касающимися новых форм похоронной культуры в СССР, оставались отдельные статьи об истории введения новой обрядности. Эти работы периода Холодной Войны, написанные западными авторами, чей доступ к источникам был крайне ограничен, заслуживают тем не менее внимания. Так, Кристофер Биннс рассматривает создание новой гражданской похоронной обрядности в одном ряду с другими общественными церемониями – календарными праздниками, «паломничествами», институциональными праздниками, семейными обрядами – одновременно как инструмент и признак социальных изменений. Автор полагает, что новые церемонии отражали как меняющиеся властные, так и статусные отношения и процесс адаптации и приспособления революционного режима к национальным традициям, потребностям и реалиям «простых людей»²². Более поздние работы о социалистической обряд-

¹⁷ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

¹⁸ Носова Г.А. Русский традиционный похоронный обряд: современные формы / Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993. С. 84–122.

¹⁹ Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993.

²⁰ Rouhier-Willoughby J. Contemporary Urban Russian Funerals: Continuity and Change. *FOLKLORICA*. 2007. Vol. XII. P. 109–128.

²¹ Bouchard M. Graveyards: Russian ritual and belief pertaining to the dead. *Religion*. October 2004. Vol. 34(4). P. 345–362.

²² Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I. *Man (New series)*. 1979. № 14. P. 585–606;

ности, также как правило не рассматривали отдельно изменения похоронного обряда в советское время. В качестве исключения можно привести работу Виктории Смолкин «Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии», в которой автор обращается непосредственно к проблеме похоронного обряда в Советской культуре. Смолкин приходит к выводу о том, что в советской культуре, сформированной на атеистических началах, проблема ритуального оформления «обыкновенной» смерти оставалась критически важной на протяжении всего Советского периода²³.

Особняком стоят работы, в которых анализируются политические функции мёртвых тел и мортальных практик в Советском Союзе. Одной из ранних работ в этой области стала книга Жана Бодрийяра «Символический обмен и смерть», в которой автор, среди прочего, приходит к выводу о том, что именно контроль над мертвыми в обществе – это способ достижения контроля над живыми и создания социальных иерархий²⁴. Эту линию продолжают работы казанского историка Светланы Малышевой, в особенности ее книга «"На миру красна": инструментализация смерти в Советской России». Автор полагает, что смена политического режима неизбежно влечет за собой создание нового политического порядка и новых социальных иерархий, что в советском случае достигалось и через использование похоронных практик. Изменения, произошедшие в похоронной культуре в Советский период, связаны с сознательной работой большевиков по инструментализации смерти, использованию мортальных практик в своих политических целях²⁵.

Кетерин Мерридейл в книге «Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia» анализирует влияние, которое оказали на похоронную культуру и культуру памяти в СССР опыт массового насилия и переживание большого числа смертей. Начиная своё исследование с описания драматического похоронного кризиса 1919 г., Мерридейл постепенно все больше и больше уходит от рассмотрения трансформаций похоронных практик, и обращается к вопросу о том, каков психологический

Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II. *Man (New series)*. 1980. № 15. P. 170–187; McDowell J. Soviet civil ceremonies. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1974. Vol. 13. No. 3. P. 265–279.

²³ Смолкин-Ротрок В. Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4(30). С. 430–462.

²⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 229–266.

²⁵ Малышева С. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М., 2019.

эффект от постоянного контакта с огромными масштабами смертей в советской истории, и как он влияет на историческую память и политику²⁶.

Исторической памяти и политической скорби в контексте мортальных практик также посвящена книга Александра Эткинда «Кривое горе. Память о непогребенных». Обращаясь к незавершенности истории жертв советских репрессий, Эткинд размышляет о том, какой долгосрочный эффект имеют эти непроговоренные травмы, миллионы мертвых людей, которые не упокоились и чья смерть не была оплакана, понята и проработана. Если продуктивная работа горя, помогает преодолеть травматический опыт и двигаться дальше, «кривые, сломанные» механизмы горевания в нашей культуре не позволяют проработать полученную травму, а напротив – заставляют снова и снова возвращаться и воспроизводить травматичный опыт²⁷.

Важную роль для исследований политических функций мёртвых тел в Советской истории играют недавние работы Алексея Юрчака, посвящённые анализу истории сохранения тела Ленина и той роли, которое это тело играло в политической жизни страны после 1924 г. Анализируя историю сохранения тела Ленина и те конкретные практики и научное знание, которые возникли для этого, Юрчак замечает, что тело, помещённое в мавзолей на Красной Площади, менее всего похоже на христианские мощи. Для понимания этого феномена Юрчак предлагает обратиться к теории Э. Канторовича о «двух телах короля», который сочетает в себе обычное физическое тело и политическое тело, которое олицетворяет власть монарха. Однако, если в средневековой традиции, которую описывает Канторович, кукольное изображение короля, создававшееся сразу после смерти монарха и олицетворяющее непрерывность существования его политического тела, уничтожалась после похорон и коронации нового монарха, в советском опыте «два тела короля» остались неразделенными и после смерти Ленина. По мнению Юрчака сохраненное в мавзолее тело представляет собой «политическое тело» государства, которое обеспечивало преемственность режима многие годы после смерти Ленина²⁸. Эта новая интерпретация наиболее известного опыта переживания смерти на государственном уровне в СССР существенно дополняет более ранние работы в этой области, прежде всего пионерскую работу Нины Тумаркин «Lenin Lives! The

²⁶ Merridale C. *Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia*. New York and London: Penguin Books, 2002.

²⁷ Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М., 2016.

²⁸ Yurchak A. The canon and the mushroom Lenin, sacredness, and Soviet collapse. *Hau: Journal of Ethnographic Theory* 7 (2): 165–198, Yurchak A. Communist Proteins: Lenin's Skin, Astrobiology, and the Origin of Life. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20(4). P. 683–715. Yurchak, A. Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty. *Representations* (2015) 129 (1): 116–157.

Lenin Cult in Soviet Russia»²⁹ и Катерин Вердери «The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Post-Socialist Change»³⁰.

Современное состояние похоронной культуры в России

В последние годы все больше авторов обращаются к исследованию современного состояния похоронной культуры в России. Наиболее ранние работы в этом направлении принадлежат Светлане Филипповой, которая анализирует изменение роли похоронных агентов в социуме, социальной нише, которую занимают работники похоронных служб, и особенностям этой профессии. Автор отмечает, что эти трансформации происходят под влиянием целого ряда причин, в том числе – изменения законодательной базы и экономической ситуации³¹.

Наиболее заметными и многочисленными в этой области являются работы Сергея Мохова. Автор уделяет особое внимание проблеме похоронной инфраструктуры, показывая, что состояние материальных объектов и качество похоронного обслуживания тесно связано с общим состоянием похоронной культуры и спецификой нормативного регулирования. Отдельный интерес в работах Мохова представляет идея о том, что многолетняя стабильность дисфункционального состояния похоронной инфраструктуры в России имеет свою внутреннюю рациональность. Этот набор поломок не стремится к исправлению и нормализации, а сам по себе становится ритуальной практикой, осуществляя работу по производству социального порядка³².

Заключение

Таким образом, исследования похоронной культуры представлены широким спектром подходов и исследовательских оптик и интерес к этой теме очевидно возрастает. Однако, как видно из приведённого обзора в отечественной и зарубежной историографии можно проследить

²⁹ Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1983.

³⁰ Verdery K. *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Post-Socialist Change*. New York: Columbia University Press, 1999.

³¹ Филиппова С.В. Структурные изменения института ритуальных услуг в современном российском обществе // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. № 3(34). С. 276–282; Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86–94.

³² Мохов С.В. «Идеальные поломки»: Инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146–160; Мохов С.В., Зотова В.А. Дело об ограде, століке и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 21–36; Мохов С.В. Пространство и дисфункциональность инфраструктуры в контексте похоронного ритуала // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 189–212. Мохов С. Рождение и смерть индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М., 2018.

различные тренды. Так, западная историография уделяет большое внимание культурной истории смерти, умирания и практик обращения с мёртвыми телами. Авторы показывают эволюцию похоронных практик и представлений на больших отрезках времени, вписывая эти изменения в широкий контекст социальный, культурных и экономических процессов. В то же время среди отечественных исследователей интерес к такому анализу только начинает формироваться.

Важной особенностью исследований, посвящённых российскому / советскому материалу является то, что политические аспекты смертных практик, в том числе политика памяти, привлекают внимание исследователей в гораздо большей степени, чем повседневные практики, связанные со смертью и мертвыми телами. Как мы видим, работы западных исследователей, написанные в русле культурной истории в гораздо большей степени затрагивают темы связанные с обыденными похоронными практикам. В контексте отечественного опыта наиболее востребованными являются проблемы экстремального переживания смерти, как на личном так и на коллективном уровне, а также на анализ политизированных ритуалов – смерть советских героев, жертв политических репрессий, смерть и судьба останков политических лидеров.

За пределами исследовательского интереса остаются также проблемы, связанные с отходом от традиций. Большинство исследований похоронных практик в контексте традиционной культуры стремятся максимально полно зафиксировать практики и представления прошлого. Написанные во многом в русле традиции изучения фольклора, эти исследования описывают преимущественно воспроизводство традиционных консервативных практик в сельской местности. В этом контексте трансформация традиций, процесс отхода от традиционных представлений и обрядов, произошедший за последние 150 лет, практически не исследованы.

Другой исследовательской лакуной в области похоронных практик является городская и новая сельская похоронная культура. Они остаются за пределами исследовательского интереса как в контексте современных, так и советских исследований. Институциональный подход, популярный среди исследователей современного состояния похоронных практик, не дает достаточного понимания этих процессов и безусловно должен быть дополнен антропологическими исследованиями и исследованиями повседневности. Отсутствие подобного рода исследований существенно затрудняет полноценную интерпретацию современной похоронной культуры в России, а также понимание изменившихся представлений о человеке и его смертности.

Список литературы:

1. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти: пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
2. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
3. *Блэк М.* Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии: пер. с англ. М.: НЛЮ, 2015. 408 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
5. *Геннеп А, ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198 с.
6. *Герц Р.* Смерть и правая рука: пер. с фр. М.: ARS PRESS, 2019. 264 с.
7. *Елютина М.Э., Филиппова С.В.* Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86–94.
8. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
9. *Мальшева С.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. Москва: Новый хронограф, 2019. 464 с.
10. *Мохов С.В.* «Идеальные поломки»: Инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146–160.
11. *Мохов С.В.* Пространство и дисфункциональность инфраструктуры в контексте похоронного ритуала // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 189–212.
12. *Мохов С.В., Зотова В.А.* Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 21–36.
13. *Мохов С.* индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 324 с.
14. *Носова, Г.А.* Русский традиционный похоронный обряд: современные формы // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 84–122.
15. *Носова, Г.А.* Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: ИНИОН РАН, 1993. 254 с.
16. *Седакова, О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
17. *Смолкин-Ротрок В.* Проблема «Обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4(30). С. 430–462.

18. Филиппова С.В. Структурные изменения института ритуальных услуг в современном российском обществе // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. № 3(34). С. 276–282.
19. Эткин А. Кривое горе: память о непогребенных. М: НЛЮ, 2016. 328 с.
20. Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part I // *Man* (New series). 1979. № 14. P. 585–60.
21. Binns C. The changing face of power: revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system. Part II // *Man* (New series). 1980. № 15. P. 170–187.
22. Bouchard M. Graveyards: Russian ritual and belief pertaining to the dead // *Religion*. October. 2004. Vol. 34(4). P. 345–362.
23. Davies D. J. Death, ritual and belief: the rhetoric of funerary rites. Continuum International Publishing Group, London, 2002. 320 p.
24. Encyclopedia of Cremation / Eds. Douglas J. Davies & Lewis H. Mates. Aldershot, England; Burlington, Vt: Ashgate Pub Co, 2006. 517 p.
25. Fischer N. Vom Gottesacker zum Krematorium. Eine Sozialgeschichte der Friedhöfe in Deutschland seit dem 18. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1996. 256 p.
26. Jupp P.C. From Dust to Ashes Cremation and the British Way of Death. Palgrave Macmillan UK, 2006. 252 p.
27. Kaiser, D.H. 1992. Death and dying in early modern Russia // Major Problems in Early Modern Russian History / Ed. by Kollman, N.S. Garland, London: Articles-Garlan, 1992. P. 217–258
28. Laqueur, T.W. The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains. Princeton: Princeton University Press, 2015. 711 p.
29. McDowell J. Soviet civil ceremonies // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1974. Vol. 13. No. 3. P. 265–279.
30. Merridale C. Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia. New York and London: Penguin Books, 2002. 402 p.
31. Prothero S. Purified by Fire: A History of Cremation in America. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. 280 p.
32. Rotar, M. History of modern cremation in Romania. England: Newcastle Upon Tyne, Cambridge Scholar Publishing, 2013. 480 p.
33. Rouhier-Willoughby J. Contemporary Urban Russian Funerals: Continuity and Change / J. Rouhier-Willoughby // *FOLKLORICA*. 2007. Vol. XII. P. 109–128.
34. Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1983. 315 p.

35. Verdery K. *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Post-Socialist Change*. New York: Columbia University Press, 1999. 208 p.
36. Warner E.A. *Russian Peasant Beliefs and Practices, Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol'niki Region, Pskov Province, Russia, 1995. Part II: Death in Natural Circumstances // Folklore*. 2000. Vol. 111(2). P. 255–281.
37. Warner, E.A. *Russian Peasant Beliefs and Practices Concerning Death and the Supernatural Collected in Novosokol'niki Region, Pskov Province Russia, 1995. Part I: The Restless Dead, Wizards and Spirit Beings // Folklore*. 2000. Vol. 111(2). P. 67–90.
38. Yurchak A. *Communist Proteins: Lenin's Skin, Astrobiology, and the Origin of Life // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20(4). P. 683–715.
39. Yurchak, A. *Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty// Representations* (2015) 129 (1): 116–157.
40. Yurchak A. *The canon and the mushroom Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory* 7 (2): 165–198.

Об авторе:

—

сотрудник, Отдел русского народа, Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр-т., 32А, Москва, 119334), email: annadsokolova@gmail.com

STUDIES IN FUNERAL CULTURE. HISTORIOGRAPHIC REVIEW

A.D. Sokolova

N.N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS,
Moscow, Russia

The article provides a historiographic review of studies in funeral culture - death, dying, and body disposal practices. The review contains studies written in the field of cultural history, studies of traditional culture, studies of the Soviet period and funeral practices in modern Russia. Author notes significant differences in Russian and Western historiography. Western historiography places great emphasis on the cultural history of death, dying, and body disposal practices. The researchers focus on the evolution of funeral practices and beliefs over long periods of time, fitting these changes into the broader context of social, cultural and economic processes. At the same time, among domestic researchers, interest in such an analysis is just beginning to form. In the same time studies on Russian materials are mainly focused on traditional culture, as well as the political aspects of death and dying in the Soviet pe-

riod, while everyday practices and the process of alienation from traditional culture, which is extremely important on the modern stage, are outside research interest of most authors.

Keywords: *funeral; death; historiography; ritual; commemoration.*

About the author:

SOKOLOVA Anna – PhD in history, research fellow in the N.N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (RAS) (Leninsky ave, 32A, Moscow, 119334), email: annadsokolova@gmail.com

References:

- Aries F., *Chelovek pered licom smerti: per. s fr [Man in the face of death: trans. with fr.]*. M.: Progress-Akademija, 1992. 528 p.
- Baiburin A.K., *Ritual v tradicionnoj kul'ture: strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]*. SPb.: Nauka, 1993. 253 p.
- Black M., *Smert' v Berline. Ot Vejmarskoj respubliki do razdelennoj Germanii: per. s angl. [Death in Berlin. From the Weimar Republic to the divided Germany: trans. from English]* M.: NLO, 2015. 408 p.
- Bodrijar Zh., *Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic exchange and death]*. M., 2000. 387 p.
- Eljutina M.Je., Filippova S.V., *Ritual'nye pohoronnye praktiki: sodержatel'nye izmenenija [Ritual funeral practices: meaningful changes]*, Sociologicheskie issledovanija. 2012. № 9. P. 86-94.
- Etkind A., *Krivoje gore: pamjat' o nepogrebennyh [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied]*, M.: NLO, 2016. 328 p.
- Filippova S.V., *Strukturnye izmenenija instituta ritual'nyh uslug v sovremennom rossijskom obshhestve [Structural changes in the institution of ritual services in modern Russian society]*, Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2008. № 3(34). P. 276-282.
- Gennep A., van., *Obrjady perehoda. Sistematičeskoe izučenie obrjadov [Rites of passage. Systematic study of rituals]*. M.: Vostochnaja literatura, 2002. 198 p.
- Gertz R., *Smert' i pravaja ruka [Death and the Right Hand]*. M.: ARS PRESS, 2019. 264 p.
- Malysheva S., *«Na miru krasna»: instrumentalizacija smerti v Sovetskoj Rossii [“The World is Red”: Instrumentalization of Death in Soviet Russia]*. Moskva: Novyj hronograf, 2019. 464 p.
- Mohov S., *industrii. Ot srednevekovyh pogostov do cifrovogo bessmertija [The birth and death of the funeral*

- industry. *From medieval graveyards to digital immortality*. M.: Common place, 2018. 324 p.
- Mohov S.V., *«Ideal'nye polomki»: Infrastruktura rynka ritual'nyh uslug i proizvodstvo social'nogo porjadka ["Perfect Breakdowns": Infrastructure of the Market for Funeral Services and the Production of Social Order]*, Etnograficheskoe obozrenie. 2018. № 1. P. 146-160.
- Mohov S.V., *Prostranstvo i disfunkcional'nost' infrastruktury v kontekste pohoronogo rituala [Space and dysfunctionality of infrastructure in the context of a funeral ritual]*, Antropologicheskij forum. 2017. № 35. P. 189-212.
- Mohov S.V., Zotova V.A., *Delo ob ograde, stolike i skam'e: rezhimy spravedlivosti v praktikah raspredelenija mest na kladbishhe [The case of a fence, a table and a bench: modes of justice in the practice of allocating places in a cemetery]*, Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2017. Vol. 15. № 1. P. 21-36.
- Nosova G.A., *Russkij tradicionnyj pohoronnyj obrjad: sovremennye formy [Russian traditional funeral rite: modern forms]*, Pohoronno-pominal'nye obychai i obrjady [Funeral and memorial customs and rituals]. M.: IEA RAN, 1993. P. 84 – 122.
- Nosova G.A. *Tradicionnye obrjady russkih: krestiny, pohorony, pominki [Traditional rituals of Russians: christening, funeral, commemoration]*. M.: INION RAN, 1993. 254 p.
- Sedakova O.A., *Pojetika obrjada. Pogrebal'naja obrjadnost' vostochnyh i juznyh slavjan [Poetics of the Rite. Funeral rituals of the Eastern and Southern Slavs]*, M.: Indrik, 2004. 320p.
- Smolkin-Rotrok V., *Problema «Obykvennoj» sovetskoj smerti: material'noe i duhovnoe v ateisticheskoj kosmologii [The problem of "Ordinary" Soviet death: material and spiritual in atheistic cosmology]. Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]*. 2012. №3-4(30). p. 430-462.
- Zelenin D.K., *Izbrannye trudy. Oчерki russkoj mifologii: Umershie neestestvennoj smert'ju i rusalki [Selected Works. Essays on Russian Mythology: Unnatural Deaths and Mermaids]*. M., Indrik, 1995. 432 p.

Статья поступила в редакцию 21.12.2021 г.